

Всё шло своим чередом, пока Лу Юси не перешёл в старшую школу. Тогда его всегда примерный отчим неизвестно где познакомился с одной компанией и пристрастился к игровым автоматам. Видимо, человеческая натура жадна: если есть шанс сорвать куш, кто добровольно согласится влачить жалкое существование? В начале ему словно везло — он выигрывал в каждой игре, обрёл уверенность и стал ставить всё больше и больше.

А когда кредиторы неожиданно постучали в дверь, он уже два или три месяца не появлялся дома.

Лу Миньлин не выдержала удара, болезнь свалила её с ног. Семейных денег не хватало на лечение в большой больнице, а давление со стороны коллекторов усиливалось. Выхода не было, и она переехала к родственникам в деревню. Перед отъездом она спросила Лу Юси, не хочет ли он поехать с ней, и тот, подумав, согласился. Но на месте, при личном разговоре с роднёй, те прямо при нём заявили Лу Миньлин, что могут приютить только одного человека.

Так Лу Юси, лишь недавно переступивший порог старшей школы, в одиночестве, с рюкзаком за плечами, вернулся из деревни в Цзянчэн, где и остался жить один.

Впрочем, к счастью, вскоре после этого он встретил Сы Цзиня.

Прозвенел звонок с последнего урока. Гу Чэнъань, повернувшись, отчётливо увидел, что лицо Лу Юси не просто плохое — оно было откровенно мрачным. Он невзначай тронул его за локоть и спросил:

— Что такое?

Лу Юси лишь тогда вынырнул из воспоминаний. Он сделал глубокий вдох, придал лицу более спокойное выражение и быстро начал собирать рюкзак, тихо бросив в ответ:

— Ничего. Пошли? Можно сегодня к тебе?

Гу Чэнъань на миг опешил, не ожидая такой инициативы, но тут же кивнул:

— Ага, можно.

Лу Юси слабо улыбнулся и поднялся. Это неожиданное сообщение отбило у него всякое желание возвращаться в пустую квартиру.

Изначально они планировали что-нибудь приготовить, но, выйдя за ворота школы и пройдя немного, Гу Чэнъань увидел вывеску лапшичной с глиняными горшочками. Непонятная ностальгия нахлынула на него, и, не спрашивая мнения Лу Юси, он просто зашёл внутрь.

Однако эта лапшичная и та, что раньше была рядом с домом Лу Юси, отличались, как небо и земля. Те же горшочки, та же лапша, а вкус — на несколько уровней ниже. Гу Чэнъань не доел и половины, прежде чем без интереса отложил палочки.

Зато ни в чём не повинный Лу Юси молча добавил в свою порцию несколько ложек перца, практически полностью убив оригинальный вкус, и упрямо доел всю миску до дна.

Видимо, ему в самом деле требовалась какая-то внешняя встряска, чтобы уравновесить внутреннее состояние.

Гу Чэнъань сгорал от любопытства, но каждый раз, бросая взгляд на почти обычное, спокойное

лицо Лу Юси, терялся и не знал, что спросить.

Едва оказавшись дома, Лу Юси привычным движением направился в спальню, сбросил куртку и лишь тогда поднял голову:

— Можно я сначала в душ?

Гу Чэнъань кивнул и любезно подобрал для него комплект домашней одежды.

Горячая вода струилась по волосам. Лу Юси просто стоял под сильными струями, позволяя им бить в макушку, словно надеясь, что этот шум прочистит голову и поможет всё расставить по местам.

Выйдя из душа, он хотел посмотреть время и только тогда обнаружил, что телефон разрядился. Пришлось подключить его к зарядке в гостиной. Процесс включения занял целую вечность; экран долго оставался тёмным, прежде чем наконец вспыхнул. А когда система загрузилась, на экране оказалось ещё два сообщения — с тем же содержанием, от того же отправителя.

Выражение лица Лу Юси мгновенно исказилось. Тихое, но навязчивое раздражение тут же опутало его.

Он поджал ноги, устроившись на диване, и какое-то время просто сидел, тупо уставившись в пространство. В конце концов решил: чёрт с ним, перезвоню. И, поднявшись, сказал Гу Чэнъаню:

— Я в комнату позвоню.

Гу Чэнъань лишь хмыкнул в ответ, делая вид, что полностью поглощён телевизором.

Войдя в спальню, Лу Юси без лишних раздумий набрал номер. В трубке прозвучало два гудка.

— Мама, — произнёс он.

Голос на том конце прозвучал торопливо и тревожно:

— Сяо Си, как ты, всё в порядке?

Лу Юси лёг на край кровати, уставившись в потолок. Помедлив пару секунд, ответил:

— Всё нормально. А ты?

Услышав его ответ, Лу Миньлин немного сбавила темп и тихо, почти шёпотом, сказала:

— Я... ничего. В деревне воздух хороший, вроде бы даже лучше себя чувствую, чем раньше.

— И хорошо, — его голос прозвучал ровно и бесстрастно.

У Лу Юси было ощущение, будто этот диалог — как пластинка, записанная один раз и поставленная на повтор. Один и тот же текст, одни и те же фразы, но раз за разом их приходилось прокручивать, чтобы собеседник успокоился.

После обязательного обмена формальностями воцарилась тишина. Помолчав, Лу Миньлин всё же начала:

— Твой папа...

Вот оно. Лу Юси мгновенно понял, к чему она клонит, и безжалостно перебил:

— Не появлялся.

— Ты... — она запнулась, и в голосе послышалась лёгкая паника. — Не относись к нему так... строго. Он ведь столько лет заботился о семье.

— Твоему папе... ему тоже нелегко пришлось, — её голос становился всё тише и невнятнее.

Лежащему на кровати Лу Юси стало тошно от этих слов. За последний год он слышал их столько раз, что сбился со счёта. Лу Миньлин снова и снова просила его не винить отчима, не держать зла на человека, который, набрав долгов, просто сбежал. Она до сих пор верила, что он по-прежнему тот же честный малый и однажды обязательно вернётся.

Он не мог не понимать: все эти годы отчим в самом деле тянул на себе эту собранную с миру по нитке семью. Но как тут не винить? Десять лет размеренной, спокойной жизни разлетелись в щепки в одно мгновение. Теперь каждый день он шёл домой с опаской, прятался от назойливых коллекторов, ловил на себе презрительные взгляды соседей и вынужден был полагаться на помощь других, чтобы просто иметь возможность ходить в школу. И даже при этом он жил в постоянном страхе, что однажды долги настигнут его прямо в школе, он потеряет возможность учиться и навсегда останется в этой яме.

Он понимал, что доброта отчима не была его обязанностью. Но он всё равно не мог. Не мог простить.

— Он же на самом деле... — Лу Миньлин пыталась продолжить, но вдруг перестала слышать с той стороны какие-либо звуки. В её голосе прозвучала лёгкая, почти паническая нотка:

— Сяо Си? Сяо Си?

Лу Юси положил телефон на подушку и молча слушал, как на том конце его окликают по имени. Наконец он холодно произнёс:

— Хватит об этом думать. Он не вернётся. Если бы собирался, давно бы вернулся, не ждал бы до сих пор.

— Ты лучше в деревне о здоровье позаботься. Не бери в голову.

На том конце возникла пауза. Затем, через пару секунд, донёсся тихий, сдавленный ответ:

— Ладно.

Тишина снова растеклась по линии. Прошло довольно много времени, прежде чем со стороны Лу Миньлин раздались какие-то шумы, а затем — короткие гудки разрыва связи.

Лу Юси неподвижно пролежал ещё минут десять. Потом шлёпнул себя ладонями по щекам, поднялся и вышел в гостиную.

Сидевший снаружи Гу Чэнъань уловил обрывки разговора, пробивавшиеся сквозь дверь. Он посмотрел на Лу Юси и спокойно спросил:

— Это насчёт родительского собрания?

Лу Юси, выходя из комнаты, на мгновение замер, а через несколько секунд сообразил, что тот, наверное, что-то подслушал, и ответил:

— Нет. Просто мама.

Гу Чэнъань знал, что мать Лу Юси поправляет здоровье в деревне, но не был в курсе деталей. Он уже думал, как бы деликатно расспросить, как вдруг услышал сбоку тихий, почти насмешливый смешок. Лу Юси слегка приподнял голову, глядя на него, и сказал:

— Вообще-то моя мама — хороший человек.

Не дожидаясь ответа, он перевёл взгляд на телевизор и тихо, с лёгкой самоиронией продолжил:

— Она добрая. Или, может, просто безвольная. В чём-то я по ней даже скучаю.

Атмосфера в комнате почему-то стала тяжёлой. Гу Чэнъань слегка нахмурился, почувствовав, что такое настроение ни к чему хорошему не приведёт, и нарочно фыркнул, поддразнивая:

— Это ты себя сейчас похвалил? Скромность, я смотрю, не твой конёк.

Лу Юси повернулся к нему и наконец рассмеялся — смех прозвучал легко и естественно, словно смывая всё напряжение предыдущего разговора.

— Да ты просто... — начал он, но, порывшись в голове подходящими словами, так и не нашёл точного определения.

— Просто что? — Гу Чэнъань сделал заинтересованное лицо.

Но уже в следующую секунду его выражение вновь стало серьёзным, и он спросил:

— А ты скучаешь по ней?

— По кому? По маме? — переспросил Лу Юси.

— Угу, — Гу Чэнъань повторил вопрос. — Скучаешь?

<http://bllate.org/book/16262/1463466>